

УДК: 347.9

НИКОЛАЙЧЕНКО О. В.
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (Россия, Саратов)
NIKOLAJCHENKO O. V.
FSBEI HE "Saratov state law Academy", candidate of legal Sciences, associate Professor
olga-nikolajchenko@yandex.ru

«СПРАВЕДЛИВОСТЬ» ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СУДОМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

«justice» in the performance of the court procedural duties

В статье анализируются нормативные и правоприменительные подходы к интерпретации справедливости как правовой категории, первоисточники которой заложены еще в классической философии Древней Греции. Минуло немало лет, но осмысление «справедливости» актуально в связи бурным развитием законодательства большинства стран и формальным подходом субъектов права в совершении юридически значимых действий. Ситуация усугубляется тем, что специальные публикации по этой проблеме отсутствуют, встречаются лишь отдельные суждения о ценности и правовой привлекательности справедливости. Справедливость, являющаяся предметом настоящей статьи, важна как для законодателя, так и для судебного правоприменения. Для первого это имеет значение в аспекте внедрения в правовое регулирование, корреспондирующего требованиям Конвенции по защите прав человека и основных свобод в ее толковании Европейским судом по правам человека. Для второго это актуально тогда, когда законодатель не только не отказывается от него, появившемся в гражданском процессе, но, напротив, внедряет справедливость как правовой фундаментальный принцип в деятельности судебных органов. Автором приводятся аргументы и доказываются необходимость расширения действия принципа справедливости в упрощенных процедурах и приказном производстве, что является принципиально важным с позиции обеспечения права на судебную защиту, равенства всех перед законом и судом в части исполнения судом процессуальных обязанностей.

Ключевые слова: справедливость; принцип справедливости; исполнение судом процессуальных обязанностей; суд; судебная практика.

The article analyzes the normative and legal approaches to the interpretation of justice as a legal category, the primary source of which is laid in the classical philosophy of Ancient Greece. Many years have passed, but the understanding of "justice" is relevant in connection with the rapid development of the legislation of most countries and the formal approach of legal entities in the Commission of legally significant actions. The situation is compounded by the fact that a special publication on this issue do not exist, there are only a few judgments about the value and attractiveness of legal justice. Justice is a subject of this article, is important for the legislator and judicial enforcement. First it matters in the aspect of introduction of legal regulation that corresponds to the requirements of the Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms in its interpretation by the European court of human rights. For a second

this is true when the legislator not only refuses it, *pojavivshiesya* in civil proceedings, but, on the contrary, introduces justice as a fundamental legal principle in the judiciary. The author gives arguments to prove the necessity of the extension of the principle of fairness in simplified procedures and simplified proceedings, which is the principal essential in order to ensure the right to judicial protection, equality before the law and the courts in terms of enforcement of the procedural obligations.

Keywords: justice; principle; performance of court procedural duties; court; litigation.

Введение. В стремительно развивающемся законодательстве стран континентальной Европы (Германии, Франции, Литвы, Болгарии), стран СНГ (Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Украины), англосаксонской правовой семьи (Англии, Уэльса, США) и, как следствие этого, ростом опубликованных авторских воззрений, можно увидеть две противоположных тенденции.

Первая - связана с тем, что специалистами в области юриспруденции отмечается ориентации права в сторону нравственности. Об этом свидетельствует рост научных работ о добросовестности и справедливости в праве, злоупотреблении правом участниками различных правоотношений [1; 188] и выявлению его особенностей, о соразмерности интересов субъектов правоотношений с противоположными интересами и роли суда в достижении «баланса» в праве.

Вторая тенденция носит противоположный характер и особенно очевидна в правоприменительной деятельности судебных органов. Это - приоритет формального подхода, «когда люди перестают понимать какую истину и справедливость им следует отыскивать, за какую истину и справедливость им необходимо бороться» [2; 9], а обращаются в суд без размышлений о способах достижения справедливости под эгоистичным лозунгом «бери от жизни все, что можно». Со стороны судейского сообщества формализм заключается в поиске некоего заранее подготовленного шаблона без живого интереса к судьбам людей и оценке обстоятельств без мотивации в поиске истины, о чем свидетельствуют тексты судебных постановлений, все чаще отличающиеся фрагментарностью, неопределенностью выводов. На этом основании Страсбургские судьи продолжают выявлять со стороны государств отступления от директив международного договора, так или иначе указывая на несправедливость судебного разбирательства в области права, о чем свидетельствуют ряд постановлений, например, от 27 марта 2008 г. по делу «Штукатуров против России» (*Shtukaturov v. Russia*), от 17 декабря 2009 г. по делу «Шилбергс против России» (*Shilbergs v. Russia*), от 25 ноября 2010 г. по делу «Роман Карасев против России» (*Roman Karasev v. Russia*), от 7 февраля 2012 г. по делу «Прошин против России» (*Proshin v. Russia*), от 5 февраля 2015 г. по делу «Бочан против Украины» (*Bochan v. Ukraine*), от 1 июля 2003 г. «Суоминен против Финляндии» (*Suominen v. Finland*), от 17 июля 2003 г. «Пескадор Валеро против Испании» (*Pescador Valero v. Spain*) и др.

В сложившейся обстановке важно определиться с местом субъективного, т.е. человеческого фактора, при осуществлении правосудия, поскольку закон пытается лишь отразить модели справедливых отношений в их абстрактной форме. Для любого суда всех инстанций достижение справедливых результатов судебного разбирательства должно

выступать необходимым условием их эффективной деятельности, что подтверждает общий тезис, сформулированный доктринальным знанием «власти свойственно движение следом за деньгами, а правосудие должно следовать только за справедливостью» [3; 28].

Материалы недавно прошедшей Международной научно-практической конференции свидетельствуют о необходимости интерпретации справедливости в нескольких контекстах: социальной справедливости и правовой [4]. Поскольку без социальной справедливости, представления о которой, безусловно, у всех субъектов, в том числе и судей, разные, нельзя говорить о правовой справедливости и наоборот.

Социальная справедливость имеет давнюю историю и детерминирована социально-историческими, экономическими и духовно-нравственными ценностями.

Исторические предпосылки «справедливости». Первые представления о социальной справедливости заложены в концепции идеального государства Платона, суть которой сводилась к следующему: «справедливость, укорененная в душе, становится основой душевного здоровья человека и вместе с тем необходимой предпосылкой законодательства...» [5, 123]. Позднее, его современник Аристотель разграничил право и справедливость. Называя справедливость правдой, философ утверждал, что она не соответствует букве формального закона, который не может предусмотреть все случаи жизни. Следовательно, когда закон неудовлетворителен, его нужно править посредством справедливости. Суд не должен применять подобные установки законодателя, так как они несут вред ближнему [6, 133]. Правосудие Древнего Рима, сконцентрированное на гражданских, религиозных и художественных ценностях, связывалось исключительно с понятием справедливости, которое стало основой деятельности суда. Преторы, давая указания судьям, требовали соблюдения ими формулы блага и справедливости [7, 135]. В эпоху средневековья был установлен контроль над свободой убеждений и оценки доказательств. В школе глоссаторов в XII-XIII вв. приходят к выводу, что следует выполнять указания закона и воздерживаться от свободы усмотрения судей [8, 27].

Исторический анализ русского гражданского судопроизводства и научные взгляды правоведов XIX века показали тенденцию о возведении справедливости в ранг правовых принципов. В своих трудах И.Е. Энгельман обосновал принцип справедливости, под которым понимал соответствие судебного решения нормам права и обстоятельствам дела [9, 27]. Примечательно, что особая роль в достижении принципа справедливости уделялась обязанности суда ее выявить, на что обращалось внимание еще в Судебнике Ивана Грозного 1550 г. В Соборном Уложении 1649 г. обязанность суда отыскать справедливость и установить истину по делу отражала формальную сторону судопроизводства.

Принцип формальной истины сохранился до XX века, на смену ему пришла материальная истина, что означало сосредоточение суда и его мышление исключительно на собранных по делу материалах, отражающих происходящие события в советскую эпоху. Сосредоточение суда на собранных по делу доказательствах ознаменовало приоритет принципа диспозитивности, состязательности с одновременным снижением активности суда, на что неоднократно указывал Верховный Суд РФ в своих постановлениях (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 апреля 1988 № 2 «О подготовке

гражданских дел к судебному разбирательству»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации») [10, 254-261].

Указанные акты сыграли значительную роль в формировании современных представлений о справедливости, которую, хоть и весьма условно, можно подразделять на:

- исходящую из формального подхода, т.е. основывающуюся на идее «законной» или «формальной» справедливости, на понимании справедливости как соответствия закону;
- подчеркивающую материальный момент, т.е. идея справедливости существует сама по себе, независимо от положительных законодательно-исторических установлений, преимущественно от субъективных установок личности.

Условность в разграничении справедливости на формальную и материальную предопределена тем, что индивид не существует сам по себе, в отрыве от общегосударственного правосознания и религиозно-нравственных установок, действующих в определенной местности. Поэтому, несмотря на широкое распространение общепризнанных правил отправления правосудия, существуют различия в их применении на практике. Так, если в системе общего права целью гражданского судопроизводства является разрешение спора между сторонами, то в странах, где преобладает континентальное право, это реальное восстановление права, его защита. Обязанность судьи достичь справедливость не сводится только к разрешению конфликта между сторонами и вынесению судебного акта. Защита нарушенного права шире, чем разрешение спора о праве гражданском. Необходимо учитывать, что вынесение судебного акта бывает зачастую недостаточным для полного восстановления нарушенных прав и законных интересов их правообладателя. В большинстве своем в механизм судебной защиты должен включиться принудительный элемент - исполнительное производство, в котором суд не должен оставаться безучастным наблюдателем. В этой связи целью «активного» судьи является его обязанность восстановить справедливость. Религиозные установления многих арабских государств, а также Кореи, Израиля, Китая предопределяют деятельность суда, основной задачей которого является установление справедливости.

Правовой смысл «справедливости» заключается в том, что судья должен процессуально «уравнять» участников спора, не придавая значение личностным, имущественным, каким-либо иным качествам сторон при разрешении гражданских дел.

«Справедливость» как ключевая правовая категория не противопоставляется закону в широком смысле этого слова, а действует параллельно с ним, что подтверждают международные акты и прецедентная практика Европейского Суда по правам человека, учет которой является обязательным для органов судебной власти Российской Федерации при осуществлении правосудия. На справедливое судебное разбирательство указывают:

- ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, выделяющих право каждого на справедливое судебное разбирательство при определении его прав и обязанностей в гражданском процессе;
- ст. 6 Европейской Конвенции - «Право на справедливое судебное разбирательство»;
- Заключение Консультативного совета европейских судей Совета Европы от 24 ноября 2004 г. № 6 «О справедливом судебном разбирательстве в разумные сроки и роли судьи в судебных процессах с участием альтернативных способов разрешения споров» [11, 193-198].

Каждый из выделенных актов так или иначе связывают справедливость с судебным разбирательством по гражданскому делу. Такие положения позволили некоторым ученым говорить о справедливости в контексте исключительно судебного разбирательства, тем самым ограничивая пределы ее действия [3, 189].

Такой подход не соответствует потребностям практики, учитывая тенденции российского законодательства к ускорению разбирательства и упрощению судебных процедур. Законодательные новеллы, закрепившие возможность разрешения дел в порядке приказного производства, за счет, во-первых, увеличения размера взыскиваемых сумм до пятисот тысяч рублей, во-вторых, обязательного закрепления приказного порядка при его установлении п. 1.1 ст. 135 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту - ГПК РФ), расширили сферу его применения.

Действительно, реализация справедливости и борьба за справедливость начинают действовать в конкретных условиях судебного разбирательства, но не должны ограничиваться только им. Приведем пример. Может быть заявлено требование о взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка как в порядке приказного производства (абз. 4 ст. 122 ГПК РФ - при взыскании в процентном соотношении к доходу должника), так и искового производства (в твердой денежной сумме). Обращение заинтересованного лица к суду о взыскании алиментов может происходить как посредством подачи искового заявления, так и заявления о выдаче судебного приказа. Причем зачастую судья принимает заявление, а в последующем рассматривает его в судебном заседании в вынесении судебного решения. Очевидно явное противоречие, поскольку в том случае если требование заявляется путем предъявления искового заявления, то по логике закона имеется спор о праве, но если то же требование указать в заявлении о выдаче судебного приказа, то по спору о праве нет. В этой связи защита права в порядке приказного производства может оказаться:

во-первых, менее эффективной или даже невозможной для взыскателя, по сравнению с исковым производством вследствие подачи заявления без соответствующих документов, подтверждающих право требования взыскателя;

во-вторых, менее качественной, поскольку отсутствие документов, подтверждающих заявленное требование, станет препятствием в судебной защите по причине ее несвоевременности.

Руководствуясь здравым смыслом и своим житейским опытом, суд критически оценивает доказательства, представленные заявителем для защиты своего нарушенного права. Если представление и исследование доказательств подчиняется законам, заранее установленному порядку, имеющему юридическую силу, то оценка доказательств - справедливостью. В приказном производстве осуществляется оценка исключительно письменных доказательств, без заслушивания объяснений стороны иных лиц, участвующих в деле.

Отличительной особенностью письменных доказательств является то, что сведения, необходимые суду для установления искомых обстоятельств дела, воспринимаются из содержания текста. Однако такое восприятие сведений, содержащихся в них, является субъективным и подчинено исключительно законам логики, а не закона. Только путем тщательного осмотра, прочтения и логического анализа сопоставления сведений, содержащихся в нем, судья может выявить истину и установить справедливость. Например, по делу стороной были представлены документы, датированные 2001 г., имели реквизиты ОГРН и КПП. Однако, ОГРН (основной государственный регистрационный номер впервые был введен в документооборот постановлением Правительства РФ) только 19 июня 2002. Соответственно, в представленных истцом приходных ордерах даты вымышлены, а документы, сводящие в них сведения, неверно отражают действительность и должны быть признаны судом подложными. Оценивая современную действительность, следует признать, что зачастую судьи не замечают или не желают замечать подложность доказательств, если заинтересованное лицо с противоположными интересами не будет представлять аргументы в пользу несостоятельности доказательства.

Исполняя процессуальные обязанности при оценке доказательств, суд несет так называемые процессуальные риски, которые влияют на качество (законность и обоснованность) выносимых судебных постановлений. Наиболее значимы те риски, которые закон связывает с правом суда справедливо обосновать «молчание» стороны признанием юридически значимых обстоятельств доказанными в пользу другой стороны. Так, ответчики К.А.В., К.С.А., действующие в интересах несовершеннолетних, надлежащим образом по правилам статьи 113 ГПК РФ извещенные о времени и месте судебного разбирательства, в судебное заседание не явились, отзыв на исковое заявление по предложению суда не представили. Суд, полагал возможным рассмотреть настоящее дело в порядке заочного производства, в соответствии с требованиями статьи 233 ГПК РФ, поскольку ответчики, будучи извещенными о времени и месте рассмотрения дела, в судебное заседание не явились, не сообщили об уважительных причинах неявки и не просили суд о рассмотрении дела в их отсутствие. Таким образом, суд справедливо оценивая существующие обстоятельства, рассмотрел дело в порядке заочного производства и вынес решение.

«Справедливость» как правовой принцип. Ряд современных ученых, признавая ценность справедливости в процессуальных отраслях права, возводят ее в ранг принципов, которые по всеобщему признанию выражают сущность конкретной отрасли российского [12, 53] и международного частного права [13, 124]. Принцип процессуального права целесообразно рассматривать комплексно: как закрепленные в правовой норме либо выводимые из ее смысла фундаментальные положения, которые

закреплены в процессуальной норме либо выводятся из ее толкования, и предопределяют построение отрасли и институтов.

Значение принципов в процессуальном праве проявляется в следующем:

- отражают специфику отрасли права;
- предопределяют процессуальную деятельность субъектов процессуальных отношений;
- дают направления для развития отрасли права, т.е. все вновь принимаемые нормы и вносимые дополнения и изменения в законодательство должны соответствовать принципам;
- при возникновении пробела в законе суд руководствуется принципами права (аналогия права);
- являются основой для толкования норм гражданского процессуального права и выступают гарантией осуществления правосудия.

Российский законодатель, последовательно модернизируя процессуальное законодательство, возводит справедливость ранг правовых принципов, о чем свидетельствует п. 1.3 Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [14].

Возведение справедливости в ранг принципов, определяющих остов, на основе которого развиваются иные нормы, нужно и востребованно любым человеческим обществом, вследствие того, что при толковании и применении норм права (аналогии) ведущая роль принадлежит именно принципам.

Закрепление справедливости в качестве принципа своевременно в целях воспитательного воздействия в формировании правосознания и правовой культуры у субъектов правоотношений. Опыт отправления правосудия в общественном сознании не должен связываться исключительно с привычной законностью, порой чрезмерно формальной и бездушной. Поэтому идея справедливости, возведенная в ранг принципов, по-прежнему останется единственным мерилем объема обязанностей суда как властного участника процессуальных правоотношений.

Список цитируемых источников

1. Изучение злоупотребления процессуальным правом актуально не только для российской цивилистики, но и, например, в Бразилии. См. подробнее: Карлос Энрике Соарес. Злоупотребление процессуальным правом в новом гражданском процессуальном кодексе Бразилии // Вестник гражданского процесса. 2015. № 4. С. 186-206.
2. Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007. 456 с.
3. Фурсов Д.А., Харламова И.В. Теория правосудия. М., 2009. Т. 1. 524 с.

4. Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т. А. Сошникова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2017. 334 с.
5. Бугай Д.В. «Справедливость» в платоновских диалогах: «Апология Сократа» и «Критон» // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 123-134.
6. Кечекьян С.Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве. М.-Л., 1947. 218 с.
7. Гринберг Л.Г. Понятие справедливости в домарксистской общественно-политической и правовой мысли // Правоведение. № 2. 1964. № С. 135-139.
8. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1997. 656 с.
9. Энгельман И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства. Юрьев, 1912. 647 с.
10. Сик постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по гражданским делам. М., 1996. С. 254-261.
11. Заключение Консультативного совета европейских судей Совета Европы от 24 ноября 2004 г. № 6 «О справедливом судебном разбирательстве в разумные сроки и роли судьи в судебных процессах с участием альтернативных способов разрешения споров» // Вестник ВАС. 2005. № 8. С. 193-198.
12. Исаенкова О.В. Концепция единого ГПК — от обсуждения к реализации // Вестник гражданского процесса. 2015. №4. С. 48-62.
13. Kramer X. Harmonisation of Civil Procedure and the Interaction with Private International Law // Civil Litigation in a Globalising World // X.E. Kramer, C.H., van Rhee (eds.). The Hague: Asser Press, 2012. С. 124-125.
14. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, одобренная решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Федерального Собрания РФ № 124 / Вступ. слово П.В. Крашенинникова. М., 2015. 224 с.